

BULLETIN d'EUROTALENT-FIDJIP

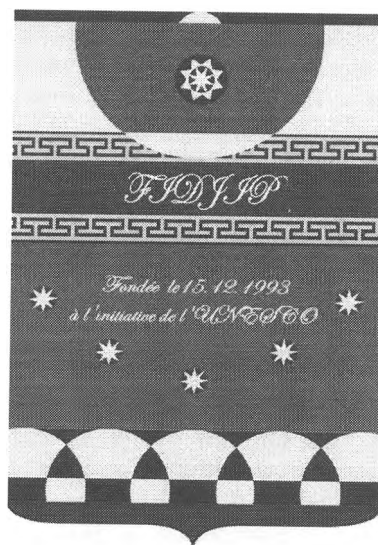
2015, N 4

Editions du JIPTO

BULLETIN d'EUROTALENT-FIDJIP

2015, N 4

Editions du JIPTO

ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС в современной интеллектуально-философской прозе Казахстана

Б.У. Джолдасбекова, член-корреспондент НАН РК, д.ф.н. профессор
КазНУ им. аль-Фараби
bayanbaevazhadra@mail.ru

История развития литературы в нашей республике является ярким свидетельством наличия в Казахстане особой литературоведческой и критической ситуации, когда неоднократная смена общественных, политических и культурных ценностей естественным образом вызывала «потрясения» на уровне сознания, морали, поведения личности и соответственно отражалась в художественном творчестве.

Авторские интенции современных писателей устремлены на осмысление роли духовной традиции, преемственности и разрыва с ней в условиях кризиса традиционной культуры. Вдумчивое, глубокое и всестороннее освещение различных аспектов взаимодействия устоявшейся в веках духовной традиции предков и новых тенденций в развитии современного казахского общества, его литературы и искусства, содержится в трудах известного деятеля науки нашей страны, лауреата многочисленных премий в области литературоведения, доктора филологических наук, профессора К.А. Абдезулы, ставших заметным явлением в современной науке о литературе [1, 2].

Материалом для данной статьи послужили два произведения разных авторов, отмеченные премиями в рамках конкурса «Современный казахский роман», проведенного Фондом Сорос-Казахстан. Так, основная тема одного из них - романа Таласбека Асемкулова «Талтус» («Полдень», 2003 г.) - связана с судьбами человека и традиционного искусства в современном мире, с темой преемственности и разрыва с духовной традицией в казахской культуре. Казахская классическая традиция в искусстве представлена в романе через судьбу нашего современника Аджигерея, через детство и отрочество этого аульного мальчика - ученика традиционного музыканта-кюйши Сабыта.

Аджигерей в изображении Т. Асемкулова выступает как «почвенник» - продолжатель народной духовной традиции, остро ощущающий уход ее из современной действительности, в связи с чем в его сознании происходит надлом, противоречие... Фактически герой живет в двух мирах одновременно (мире реальном и воображаемом), однако писатель в своих интервью настаивает, что опирался на собственный, личный опыт и хотел бы, чтобы содержащаяся в романе информация о судьбах традиционной казахской культуры воспринималась читателями как реалистическая

В мифологии существует широко распространенное представление о скрытом от глаз обычных людей некоем сакральном центре и его хранителях, одновременно защищающих его от непосвященных и являющихся посредниками между мирами. Как правило, символом такого центра выступают образ дворца, недоступной горы, острова, подземелья, где живут бессмертные. В то же время в кельтской мифологии есть образ «музыки из-под волн», таинственным образом воздействующей на людей, в результате чего люди становятся не способны сопротивляться музыке, исполняемой загадочными пришельцами («бессмертными») из океана. В своем романе Т. Асемкулов устами кюйши Сабыта открывает читателю, что в казахских легендах есть образ Нуртоле, по мнению автора, аналогичный образу Коркута или даже еще более древнему образу.

Согласно легенде, Нуртоле своей музыкой увел в Синее море змей, захвативших Казахскую Орду. Когда море или озеро волнуется, в народ говорят: это Нуртоле играет под водой, утихомиривая змей. Не случайно в старину древние кюйши именем Нуртоле давали свое благословение (бата) ученикам, закончившим обучение, именно в буранный, ветренный день, словно прислушиваясь к «шепоту Тенгри».

музыкан
«послан
ранняя к
свое пос
лагерях,
временах
мир пред
отношени
Аджигер
качели г
стариков,
председа
отдаленн
игр в де
отдаляющ
Т
воду» си
в пережи
которых
другая н
элита п
поднявши
который
К
домбрист
наши исп
под кот
не дожда
[3]. Говор
продолжа
моего вн
Аджигере
особая су
Ст
современ
человека
А.А.Блок
души». А
искусство
человека
богатство,
сталински
мире и н
озвученна
черную ку
младенчес
сгибают, л
Вес
отделение з
важнее резу
известном с
М.Элиаде о

Если буря – это Нуртоле играет кюй, гласит легенда. Через благословение учителя молодой музыкант погрузился в стихию кюя, навеки отождествляясь с ним. В финале романа Т.Асемкулова «посланец» забытой традиции Аджигерей покидает дом умершего учителя, где прошли его детство и ранняя юность. Он отправляется в самостоятельную жизнь, должен стать ее частью и передать нам свое послание.

Аджигерей слушает рассказы аульчан о гражданской, второй мировой войне, сталинских лагерях, но рассказы эти лишены временной конкретности, являясь некоей рамкой. Устные предания о временах Аблай-хана также выступают в качестве фона, рамки для чего-то более значимого. Детский мир представителя традиционной казахской музыки Аджигерея практически однороден в этническом отношении, всех персонажей романа условно можно разделить на две группы: старики-учителя Аджигерея или просто внимающие его исполнению слушатели – и молодежь, которая установила качели где – то «за рекой», шумно развлекается под гитару, не желая прикоснуться к искусству стариков, послушать их рассказы... Изредка в романе появляется аульная советская школа, председатель сельсовета и другие т.н. «современные персонажи», еще более акцентирующие отдаленность Аджигерея от нашего времени. Для его одноклассников-соседей и товарищей детских игр в десятом классе искусство Аджигерея оказывается неожиданной новостью, еще более отдаляющей его от сверстников.

Таким образом, мир высокой традиционной культуры у Т. Асемкулова «уходит под воду» символически, под влиянием «музыки из - под вод». Устами стариков причина этому – в пережитых трагических событиях времени, в революции, бесконечных войнах, в результате которых исчезла элита – ценители искусства: *«Наше время закончилось. Одна нога в могиле, другая на земле. Но что будет с народом, который мы оставим? Думаешь, сегодняшняя элита понимает, что такое домбра, песня или кюй? Один акын сказал: «Из черни поднявшиеся тузы». Если такова элита, то каков народ, который на нее ориентируется, который ей подражает?»*

Когда-то люди отправлялись в далекое мучительное странствие, чтобы найти домбриста, выучить кюй. Теперь мы как ковчег, оставшийся на вершине Казыгурта. Все наши истории – ложь. Кто поверит в рассказ о былом торжестве, об исчезнувшем народе, под которым прогибалась земля? Если веришь, до сих пор еще никто не искал меня. Ухожу, не дождавись ученика», – делится своей болью широко известный в Степи домбрист Сабыт [3]. Говоря о своем ученике – усыновленном им внуке Аджигерее, старый музыкант горестно продолжает: *«Лишь несчастный может вынести искусство. Судьба, запечатленная на лбу моего внука, – бесконечно мучительна»* [3]. В этих словах Сабыта звучит понимание: Аджигерей – особенный человек, на которого снизошел Дух, талант, искусство, и его ждет особая судьба, особый путь.

Старик усыновил внука, чтобы воспитать его и передать ему свое отмирающее в современном мире искусство. И он чувствует: это ему удалось. Сердце мальчика – это сердце человека искусства, он видит, чувствует и понимает сердцем, погружаясь в иной мир. А.А.Блок в этой связи писал: *«Нет специальных видов таланта, а есть только талант души»*. А сам Т.Асемкулов в одном из интервью говорил, что в мире есть только одно искусство – искусство жить, искусство жизни. Дед тревожится о судьбе подростка: путь человека искусства нелегок, о чем свидетельствует его собственная судьба. Он потерял богатство, впал в нищету, утратил родину и всех близких, больше двадцати лет провел в сталинских лагерях... Испытывающий удары судьбы, он живет как будто в другом, забытом мире и времени, еще не совсем исчезнувшем. Возникает символическая параллель, озвученная в словах аульного кузнеца Ахметжана: *«Железо гноят, несколько раз убивают, черную кудрявую ржавчину несколько раз плавят. В конце концов железо возвращается в младенческое состояние, как при сотворении мира, после этого его бесчисленное число раз сгибают, месяц как тесто, вытягивают как камчу...»*.

Весь этот процесс, хорошо знакомый кузнецу Ахметжану, очень напоминает алхимию, отделение золота от всего наносного. Напомним, что в традиционных культурах процесс оказывался важнее результата, сродни алхимии, алхимическому пониманию искусства. Любой Творец – алхимик в известном смысле, в процессе творения совершенствующий свою природу. Известный исследователь М.Элиаде отмечал в этой связи, что вплоть до начала XX в. сохранялось сакральное отношение к

кузнецу, его искусству, которому придавалось оберегающее и даже исцеляющее значение, сродни шаманским техникам [4, с.98]. Авторская ассоциация относительно связи между традиционной технологией обработки железа и судьбой кюйши Сабыта, творческого человека, напоминает также о мысли К.Г.Юнга об алхимии как основе, архетипе духовного роста, сохранившегося в бессознательном человека. Духовный Путь открыт для каждого, но необходима решимость, чтобы идти по нему через все препятствия, страдания, противоречия. Конечная цель Пути – выход за рамки противоречий и противоборств, достижение единства и гармонии. Как известно, Альбер Камю вслед за другими философами выделял музыку из других искусств как мир непознаваемого, как самое совершенное выражение *идеального мира*. Подлинное искусство ведет к осознанию земным, смертным человеком своей ограниченности, смертности ввиду явления Абсолюта, безграничного и бессмертного. Так, слушая интерпретацию домбристом Газизом кюя Таттимбета, Аджигерей испытывает эту метафизическую тоску.

Вопрос о судьбе Аджигерея, избранном им пути в современном мире, остается в романе открытым. Он наш современник и в то же время - продолжатель духовной традиции, человек, находящийся на пути. Его наставник Сабыт - творец и символ традиционного искусства и мировоззрения, всем своим существованием утверждающий его необходимость сегодня. Аджигерей, являясь его учеником, также должен отождествиться с традицией. Но возможно ли это для современного человека? Возможность полноценного существования духовной традиции в современном мире, когда ее носители живут рядом, противоречиво положение художника, ее Хранителя, будет освещен в продолжении романа Т.Асемкулова. Как известно, «Полдень» - это только первая часть задуманного писателем романа о музыке, автор его является признанным среди профессионалов знатоком и талантливым исполнителем казахских кюев.

Прозаик, главный редактор «Казахсфильма» Дидар Амантай в романе «Цветы и книги» («Гүлдер мен кітаптар») при помощи его главного героя – писателя Алишера - ведет собственный философский и религиозный поиск, основанный на той духовной толерантности, которая присуща Центральной Азии в целом. Этот роман, также ставший победителем конкурса «Современный казахстанский роман» в 2003-м, вышел уже на трех иностранных языках, и работа в данном направлении продолжается. Эпиграфом к «Цветам и книгам» взяты слова из Книги Тенгри: *«Какое из них уступает одно другому: тьма, избегающая света или свет, разгоняющий тьму?»* Противоборство света и тьмы, заявленное в эпиграфе, определяет сюжет и структуру повествования книги, начиная уже с первой ее части, озаглавленной «Алишер»: *«Землю накрыл туман. Небо провисало все ниже. Под его гнетом невозможно было расправить плечи, люди вынуждены были перебираться ползком. Тяжелейшей из мук оказалось именно это бессилие распрямиться в рост»* [5, с.76]. Как выясняется далее, это был сон, но он мало чем отличается от действительности, в которой живет герой Д.Амантая – молодой писатель, житель мегаполиса Алишер, мечтающий сотворить «Книгу Тенгри».

Алишера, по его словам, волнуют три вопроса: что есть книга, что связывает день сегодняшней и прошлое, и кто есть тюрки. Герою Д.Амантая никак не удастся завершить роман, посвященный событиям из истории древних тюрков - *«о распаде великой династии на два лагеря»*, о том, как люди, разбившись на *«сорок родов»*, обрушили законы, установленные Всевышним. В результате были забыты коренные ритуалы сватовства и братства, извращены нравы, утеряны память и разум... Книга Алишера должна стать *«плачем»* по утеревшим веру в Тенгри тюркам, скорбной песней об исходе сотрясавшей Степь битвы.

В книге приводятся длинные списки авторов всех континентов, мысли которых созвучны авторским. Среди них - и Абай, и Махамбет, и наш современник Олжас Сулейменов. Причудливо сближаются древняя кипчакская, сакская цивилизация и реалии современного мегаполиса. По мнению автора и его *alter ego* Алишера, в чем он вполне солидарен с Т.Асемкуловым и его героями, современники безнадежно отделились от внутренних основ тюркской культуры, столь близкой ему, утратили Бога Тенгри – Верховное

божество степного мира, где «природа является верховным правителем, сегодня теряющим свою магическую и загадочную ауру» [5, с. 91].

Немало места в «Цветах и книгах» отдано металитературной проблематике, «агонии» книги и «жизнеспособности» литературного творчества в целом в XXI веке, размышлениям о специфике литературного труда и психологии литературного творчества - эта тема, в частности, является предметом бесед Алишера и журналистки Жамили. Можно наблюдать все то же, заявленное с самого начала, противостояние «света и тьмы»: *Разве не в том цель творчества, чтобы вылечить болящего, спасти умирающего, отвести подступающий на рассвете призрак смерти от того, кто в муках бессонницы готов к роковому решению. По сути, книге назначено отрицать небытие. Его же роман пропитан безысходной печалью. Или, можно надеяться, он побудит читателя к размышлениям и облегчит хоть кому-нибудь бремя личных невзгод* [5, с. 101].

Не случайно для Алишера все вокруг пахнет книгами, книжной пылью: *«Можно предположить, - рассуждает Алишер, - что все литературные приемы исчерпаны, а талант вполне заменяет ловкость письма»*. Однако все его мучения, связанные с процессом создания книги, и сама книга, отрывки из нее, «вмонтированные» в повествование, свидетельствуют об обратном. Изменился читатель, который *«может или бездумно следовать за излагаемой хроникой, или проникнуться мыслью, лежащей под студом внешне хаотичных событий романа. Он сам выберет то, что ему интересно»*. Немало интересных сведений можно почерпнуть из главы «Летопись», в которой освещаются этапы и специфика формирования письменности, главы «Автор», в которой говорится о «хорошем авторе» и писателе *«модного направления, похожее на родителя-тирана, уверенного в своей власти над волей и свободой собственного отпрыска»* и др. А в самом конце главы дается типичное для повествователя обобщение: *«Пришло время автору дать свободу произведению»*.

Глава «Цветы» - одна из самых лирических в повествовании Д.Амантая, ведь *«все цветы – желанные дети земли и солнца. Не успеете донести до дома, как на ваших глазах раскроются их нежные и яркие лепестки. А как вам крапчатые листья колеуса, меняющие цвет в тени и сумерки?»* Цветы, рождая возвышенные мысли, становятся символом свободы и одиночества, а книги, развивая чувство мысли, превращаются в символ преодоления хаоса, символ духовности.

В финале произведения Алишер умирает в карете скорой помощи, так и не доведя до конца свое творение. А еще раньше им были собственноручно сожжены все черновики и наброски. Цветы, которым в повествовании отдано столько внимания, все до единого, увядают, лишены внимания и заботливого ухода со стороны хозяина - но остаются строки из рукописей, которые *«не горят»*.

Поэтому ощущения утраты у читателя не возникает, хотя точка зрения героя представлена фразой: *«Время литературы прошло»*... Однако сам автор, по нашему мнению, так не считает, демонстрируя не только глубокое знание древней истории тюрков, тюркской мифологии, но и постмодернистскую игру со словами, со звучанием словосочетаний, возвращая слову его изначальную музыкальность - именно этим объясняется длинный перечень названий цветов и книг, далеко не случайный. Вероятно, через способность к «внутреннему» слуху и речи подводит Д.Амантай к главному - мысли о диалоге культур и цивилизаций, как полагает известный казахстанский культуролог и литератор, редактор журнала «Тамыр» А.Кодар [6]. Таким образом, оба писателя, представляя казахскую интеллектуальную прозу периода независимости, ведут собственный, столь разнящийся между собой, поиск эстетически самодостаточных форм и принципов повествования в произведениях о творцах культуры.

Литература

1. Қ.Абдзулы. Литература и искусство (Әдебиет және өнер).- Алматы: Қазак университеті, 2003.
2. Қ.Абдзулы. Таньш көкжиегі. Оқу құралы. – Алматы: Арыс, 2009.- 272 б.
3. Т.Асемкулов. Талтус (Полдень) //www.otuken.kz /index.php /2013-04-05
4. М.Элиаде. Азиатская алхимия.- М.: Юнус-К, 1998.
5. Д.Амантай. Цветы и книги (Гүлдер мен кітаптар) //Аманат.-2007.-№ 6. С.76-117.
6. А.Кодар. «Андеграунд» пора выводить на свет //www.dialog.kz 18.06.2007.